

Поэтому, если идти в торговый центр, то в десяти случаях из десяти вернешься с пустыми руками. Несмотря на это, Цзяхуэй по-прежнему была полна энтузиазма. Она таскала меня по всем магазинам, словно в каждом из них были припрятаны какие-то сокровища. Она указывала на стройные манекены в изящных костюмах и спрашивала, красиво ли это. Если я отвечал, что красиво, она тут же начинала допытываться, что именно в них красивого. Чтобы сэкономить силы, я начал отвечать уклончиво. Тогда она тихо бормотала себе под нос: Лю Вэй наверняка придет в восторг, если я надену этот костюм. Я бросал небрежно: Так иди и примерь! Она тут же, воодушевленная, ныряла в примерочную, а ее решительность заставляла меня чувствовать, будто я угодил в ловушку. Мимо магазина проходило немало покупателей; большинство из них расхаживали неспешно и беззаботно. Изредка попадались и те, кто, поправив галстук, спешил куда-то, словно опаздывал на свидание. Прождав долгое время, я почувствовал, как заныли ноги. В душе внезапно зародилось желание отомстить. Наконец она вышла — сияющая, с высоко поднятой головой. Я нахмурился, погладил подбородок и, придиричиво оглядев ее, не проронил ни слова. Она засуетилась, занервничала и, повернувшись к зеркалу, стала искать в себе изъяны. Когда она от недоумения перешла к отчаянию, я наконец расслабил брови и с улыбкой прошептал ей на ухо: Впрочем, какой бы ужасной ни была одежда, даже если ее наденешь ты, у того старого развратника Лю Вэя глаза на лоб полезут. Она замахнулась на меня кулачком и обозвала маленьким пройдохой. Порой этот кулачок действительно опускался мне на плечо, но был совершенно мягким. У меня на душе действительно полегчало. Стало даже радостно. В какой-то миг мне показалось, что ради этой радости стоит выбросить тот дневник. Я удивился. Удивило меня не то, почему я так подумал, а то, что, подумав так, я не испытал привычного стыда. Затем она, смеясь, убежала в примерочную переодеваться. Я знал, что ей жалко тратить двести долларов на модный костюм. Ее стипендии едва хватало на жизнь. Я понимал, что мы действительно очень сблизились. Даже ее домовладельцы частенько подтрунивали над нами: Другие супружеские пары и то не бывают так неразлучны, как вы! В этом городке, что за десять тысяч километров от родного края, я встретил ее. Мы из одной страны, жили в одном городе и постоянно обменивались шутками, понятными только нам двоим. Однажды днем, сидя в стареньком Тойоте, мы даже вместе запели: Ни аромата цветов, ни высоты деревьев, я — маленькая травка, о которой никто не знает...

Двадцать один (2)

Ты несешь коромысло, я веду лошадь, встречаем рассвет и провожаем вечернюю зарю... Ночь в военном порту тиха, морской ветер нежно качает военные корабли... Где же весна, где же весна... Когда мы подняли весла, лодка тихо закачалась... Дойдя до этой строчки, мы начали спорить. Я настаивал, что поется лодка тихо закачалась, а она твердила, что должно быть красные галстуки развеваются на ветру. Мы так и не пришли к согласию, да и проверить было негде. Мы не уступали друг другу, продолжая петь каждый по-своему, пока в конце концов это не превратилось в общее ля-ля-ля. Думаю, девушки по своей натуре легко поддаются влиянию самых пустяковых мелочей. Тем более что она находится в чужой стране, где у нее нет никого из родных. Должно быть, она тоже боится одиночества, поэтому и приняла меня сейчас без колебаний. Потому что я — это я, или потому что приняла меня за Вэя? Я действительно беспринципен. Я безо всяких принципов принимаю тех, кто готов принять меня. Однако Цзяхуэй нельзя принимать просто так. Ведь она — жена Вэя, и давным-давно, у дверей его общежития, я презирал ее и ненавидел Вэя. Но в это мгновение, в это ля-ля-ля, я словно временно обо всем забыл. И все же она — жена Вэя. Я знаю, что каждую неделю она созванивается с ним. Но что могут значить эти разговоры? Она звонит мне почти каждый день. Звонит прямо в лабораторию, совершенно не боясь, что трубку возьмет Стив. При мысли об этом мне становилось немного спокойнее. О чем беспокоиться? Она просто звонит другу, с которым ей легко общаться. На самом деле, разве я могу понять Цзяхуэй? А разве она может

понять меня? Она звонила мне и глубокой ночью. Я предупреждал ее, что возвращаюсь домой не раньше полуночи, и говорил, что телефонная линия у меня с хозяевами дома отдельная. И хотя не каждую ночь я возвращался вовремя, она, казалось, каждый день находила что-то новое, чем не терпелось со мной поделиться. Если я задерживался, она начинала звонить с двенадцати ночи каждые пять минут, пока я не отвечу. Ночные звонки всегда предвещали что-то необычное. Например, в тот вечер она радостно сообщила, что в ближайшие выходные студенческий союз китайцев Мичиганского университета устраивает барбекю на берегу реки Гурон в честь праздника Середины осени. В это воскресенье — праздник Середины осени? — спросил я. Кажется, нет, с чего бы такое совпадение? Если не праздник, то что празднуем? Просто воскресенье! У всех должно быть свободное время. Скорее, пойдешь? А что там делать? Куча народу соберется, и что? Есть жареное мясо? Много чего можно делать! Лу Минь сказала, можно поиграть в мяч, потанцевать, еще карты, шахматы, наверняка будет куча других развлечений! К тому же, какой там красивый пейзаж! Я не люблю танцы и карты. А природой можно полюбоваться в любое время. Но я там ни разу не была, все мимо проезжала... — она на мгновение замолчала, а потом добавила: Да, кстати, люди из консульства в Чикаго тоже приедут! Люди из консульства? Хе-хе, зачем мне с ними встречаться? — я не удержался от смеха. Что плохого в том, чтобы встретиться? Даже если ничего не делать, разве плохо познакомиться с новыми людьми? Все мы китайцы, в будущем пригодится. Не пойду, я занят, нужно учить слова для экзамена, да и... идти в лабораторию работать. Я наконец нашел предлог. На самом деле Стив в воскресенье в лабораторию почти не заходит, так что работы у меня, конечно, не было. Тогда... я тоже не пойду, — сказала она с досадой. Иди! Я тебя отвезу! Оставлю тебя там, сам поеду в лабораторию, поработаю до пяти-шести вечера, а потом заберу тебя, и мы вместе... съедим ужин? — я неуклюже произнес последние три слова на своем так называемом шанхайском диалекте. Она наконец улыбнулась, хотя в голосе ее послышалось разочарование. В воскресенье в полдень я посадил ее у реки. Я еще раз напомнил, что ровно в пять приеду за ней на это же место. Она улыбнулась мне, помахала рукой и, полная энтузиазма, зашагала в сторону вечеринки. Я поехал в лабораторию. На самом деле, дел там действительно не было. Но, по крайней мере, можно было посидеть в интернете или, может, в самом деле поучить слова. Экзамен сдавать придется, и желательно сдать хорошо. Я по-прежнему планировал уехать из Анн-Арбора.

Двадцать один (3)

В воскресенье днем в лабораторном корпусе было непривычно тихо. Сотрудники, конечно, не работали, но даже аспирантов почти не было видно. Неужели все ушли праздновать праздник Середины осени? Американцы, разумеется, его не празднуют. Но здесь немало аспирантов из материкового Китая, Тайваня или Гонконга. У них наверняка сохранилась привычка отмечать этот праздник. Без них здесь стало совсем пустынно. Я шел по коридору; пол был таким гладким, что отражал мой силуэт. Метрах в тридцати я вдруг увидел, что стеклянная дверь лаборатории распахнута, и из нее выходит Стив. Он обернулся, слегка поправил волосы на лбу и зашагал прочь. Зачем он приходил в лабораторию? Взять что-то? Или работал сверхурочно? И куда он направляется сейчас, в приличных брюках и начищенных туфлях? Внутри меня внезапно вспыхнуло любопытство. Может, сегодня я наконец увижу его подругу? Я следовал за ним на почтительном расстоянии по нескольким коридорам. В конце концов он вышел через другую дверь здания. Снаружи была просторная парковка, на которой почти не было машин. Я стоял внутри здания и сквозь стекло молча следил за фигурой Стива. Он направился прямо в угол парковки, где в тени деревьев стояла машина — яркая, пестрая, — это был полицейский автомобиль, только проблесковые маячки на крыше были сняты. Дверь машины была распахнута. Молодой полицейский в темных очках шел навстречу Стиву; он был невысокого роста, но крепко сбитый. На его черном кожаном ремне что-то ярко блестело. Я внезапно

вспомнил ту ночь, когда провожал туземцев. В ту ночь тоже был такой же молодой и крепкий полицейский, который приказал мне лечь на землю, прикрыв голову руками. Он тщательно обыскал меня. Когда его ладони скользили по моим ногам, я почувствовал тепло его рук. Воздух вокруг был пропитан запахом одеколона. Это он, тот самый полицейский, который идет рядом со Стивом! — упрямо подумал я. На самом деле я был так далеко, да и на нем были темные очки, как я мог узнать человека, которого видел мельком лишь однажды? Они подошли к патрульной машине. Не обменявшись ни словом, они просто шли рядом. Казалось, что они очень близко знакомы, и в то же время — совершенно чужие люди. Однако я видел. Совершенно небрежно и очень коротко полицейский взял Стива за руку. Всего на секунду, а затем отпустил. Но этой секунды было достаточно, чтобы я это заметил. Патрульная машина бесшумно уехала, не подняв ни пылинки. Я вернулся в лабораторию. Этот одинокий и долгий день внезапно вызвал у меня раздражение. Подругу Стива я так и не увидел. Подумал, что, может, никогда и не увижу. Я пожалел, что пошел за ним на парковку. Раньше я считал, что мое наблюдение за Стивом безопасно. Теперь я так уже не думал. Почему вдруг весь мир стал казаться таким опасным? Чтобы избежать этого опасного мира, я возвращался домой только после полуночи и даже выключил автоответчик. И все же по ночам мне часто снился Хуэй — в белоснежной рубашке и строгих брюках, в черном галстуке-бабочке, с улыбкой шестнадцатилетнего юноши. Раньше я думал, что я счастлив. Что покупать продукты с Цзяхуэй или ходить по магазинам — это и есть счастье. Раньше я думал, что ради этого счастья стоило выбросить тот дневник и отключить автоответчик. Но почему сейчас мои мысли стали такими блеклыми? Почему каждую ночь, когда я просыпаюсь, мой мир становится таким пустым? Почему в такие моменты я не осмеливаюсь в полной мере насладиться счастьем быть с Цзяхуэй? Словно это счастье вдруг стало безвкусным? Как мне спрятаться? Это осеннее тепло, этот дерзкий осенний ветер. Есть ли в этом мире хоть какой-то уголок, где я мог бы укрыться? Отец, как мне исполнить свое обещание? Я истерично вырвал из сумки чековую книжку и выписал чек на тысячу пятьсот долларов. В графе получателя вписал имя А Вэня, а в примечании по-китайски написал: С процентами, прошу принять с благодарностью, если чек не будет обналичен, пришлю наличные. Я яростно запихнул чек в конверт, написал на нем адрес А Вэня. Словно выполнил великую миссию. В лаборатории металлические штативы, похожие на когтистые лапы, отбрасывали на стены пугающие тени.

Двадцать один (4)

Я лег на стол, не в силах смотреть на них.

Двадцать два (1)

В пять часов я был на маленькой парковке у реки, Цзяхуэй уже ждала там. Когда я открыл дверь машины, она как раз неспешно шла от берега. Поверхность реки за ее спиной была окрашена закатным светом и мерцала золотистой рябью. Я предложил ей сесть в машину, но она слегка покачала головой: Погода такая прекрасная, давай прогуляемся вдоль реки. Я закрыл дверь и пошел следом за ней. Спросил: Праздник Середины осени уже закончился? Да, в четыре часа все разошлись. Ты прождала час? Ну, почти. Неужели не встретила никого из знакомых? Встретила, виделась с четой Лу Минь. Так почему не поехала с ними? Мы же договорились с тобой, к тому же при такой погоде и таком прекрасном пейзаже, разве страшно немного задержаться? Мне нечего было ответить. В этот раз я не чувствовал себя счастливым. Настроение было подавленным. Тени металлических штативов из лаборатории, казалось, все еще нависали надо мной. Невозможно было от них отделаться. Действительно, осень. Мы даже

шагали по опавшим листьям. Лес у реки был густым, деревья — высокие и стройные, с причудливыми очертаниями. Самое впечатляющее — это цвет листвы: красный, оранжевый, желтый, зеленый, фиолетовый, все перемешано в пестрый узор. Тебе нравится здесь? — спросил я. Очень. Здесь, да и в этом городе в целом. Тебе не одиноко? Лю Вэй же нет рядом. Я очень скучаю по нему, но раз познакомилась с тобой, то совсем не одинока. Две большие утки, а между ними выводок пушистых утят, спокойно плыли, оставляя на воде след, который расходился волнами, одна за другой. Лу Минь мне рассказала, — взгляд Цзяхуэй медленно перемещался по воде вслед за утками. — Она сказала, что ты оплатил мою аренду за две недели. Почему ты никогда мне об этом не говорил? На поверхности реки плакала коряга. Утки огибали ее, продолжая плыть, и строй их слегка нарушился. Когда я только приехал в Америку, у меня было всего двести долларов. Подумал, что ты, возможно, тоже не богата. Я вспомнил ту благодарность, которую испытывал к студенческому союзу, когда только приехал в Америку. Возможно, они изначально не собирались разрывать со мной отношения, просто я сам тихо спрятался. Сядун, ты очень добрый. Утиная стайка наконец скрылась за зарослями тростника. Взгляд Цзяхуэй задержался на тени тростника, отражавшейся в воде. Я наклонился, подобрал плоский камешек и хотел было бросить его в воду, но рука замерла в воздухе. Я с досадой тихо вернул камень на землю. Вспомнил, как в тот день, прямо здесь, А Вэй бросил камень, от которого пошли круги, разрывая, сжимая в кучу ту цепочку волн, что оставил мой камень, или, вернее, перемешивая их так, что уже не разобрать. В тот день он сказал мне, что не хочет возвращаться на Тайвань. Сказал, что не хочет заводить семью, не хочет продолжать семейное дело. Но он никогда не говорил, что не хочет покидать Анн-Арбор. Это я не дал ему шанса сказать. Однажды он поймет, как сильно он меня ненавидит. Так же, как я ненавижу Вэй. Мое сердце вслед за расходящейся рябью тоже начало ныть от боли. Вчера Лю Вэй получил визу. Так что скоро он приедет в Америку. Слова Цзяхуэй вырвали меня из раздумий. Собирается к Рождеству. — Она продолжала, не выражая ни восторга, ни грусти. Я догадывался, что она все же должна быть рада, но почему не грустит? Разве она не скучала по нему все это время? Здорово, поздравляю, скоро воссоединишься с мужем, — я постарался сделать тон как можно более легким. Да... Как думаешь, когда он приедет, сможем ли мы втроем, как сейчас, беззаботно проводить время? Втроем? Зачем нам троим постоянно быть вместе? Вэй тоже говорил мне, что мы теперь сможем часто видеться. Не знаю. Может, и нет, он не будет ревновать? Нет, у меня много знакомых, с которыми я близка, он никогда не ревнует, тем более что ты — его лучший друг. Я поднял взгляд на Цзяхуэй. Она приподняла брови: Чего ты так смотришь на меня? Разве ты не лучший друг? Он сам мне сказал, что ты — лучший. Неужели я — его лучший друг? Неужели он действительно сказал это Цзяхуэй? Но разве той ночью в храме Вофо, как бы мы ни старались, наши пальцы уже не могли больше переплетаться? Я думал, он давно полностью порвал со мной связь, а он, оказывается, говорил Цзяхуэй, что я — его лучший друг.

Двадцать два (2)

Правда, он совсем не ревнует! — повторила она, словно убеждая меня или саму себя. Раз не ревнует, то хорошо, — я не знал, что говорю. Не знал, куда улетели мои мысли. Цзяхуэй тяжело вздохнула. Именно, он никогда не ревнует, к тому же вы и так лучшие друзья, каждый раз, когда он упоминает тебя, вид у него такой, будто ты ему ближе родного брата, я даже не могу на это спокойно смотреть. Как бы близко мы ни общались, мне не сравниться с вашей дружбой. Так что в будущем мы обязательно будем втроем беззаботно играть! Нет, даже вчетвером: я и Вэй, ты и твоя подруга! Она снова рассмеялась. Моя подруга? Моя девушка? Мы действительно должны будем постоянно околачиваться вместе? Она правда на это надеется? Вэй действительно не будет ревновать? А я? Действительно ли я буду проводить время с ними? И моя подруга — такая же девушка с юга Китая, как она? Будет ли нам весело вместе? Я очень

хотел постараться продумать все эти вопросы. Они переплетались, казалось, были тесно связаны, но в то же время противоречили друг другу. Однако в этот момент в моей голове внезапно стало пусто, память превратилась в чистое полотно. Вэй, Цзяхуэй и я — когда мы начали упоминаться как одно целое? Неужели мы всегда были связаны? Вэй вторгнулся в мою жизнь, а я всегда вторгнулся в его? Когда он придет? — внезапно спросил я. Казалось, это был действительно важный вопрос, но я вспомнил о нем лишь спустя долгое время. 24 декабря. В канун Рождества. О, значит, через два месяца. Да! Думаю, здесь Рождество веселее, чем в Китае, правда? Поэтому я и хочу, чтобы он успел до Рождества, чтобы мы вместе отпраздновали рождественский ужин, хорошо? В рождественскую ночь мы втроем сидим вместе и едим роскошный ужин? Если это действительно так, то это будет наш первый совместный ужин. Каким будет это начало? Или, может, это будет финал? И действительно ли американское Рождество веселее, чем в Китае? В Китае самый оживленный праздник — это Новый год по лунному календарю. Но в канун праздника, до полуночи, когда гремят петарды, улицы Пекина очень пустынные. Разве в Америке на Рождество не так? В такой важный праздник все собираются дома, кто же пойдет на улицу? Может, я. Тот, у кого нет дома. Куда мне идти? Спрятаться обратно в свою темную нору? Если я спрячусь там, пригласит ли меня радушная хозяйка на свой ужин? Человек без дома, смотреть на воссоединение других семей? Значит, в ту темную нору возвращаться тоже нельзя. Получается, мне остается только поужинать вместе с Вэем и Цзяхуэй. К тому же, разве Вэй не говорил? Он сказал: Сяодун, мы сможем часто видеться... Я поднял голову и сразу увидел надежду в ее глазах. Она смотрела на меня. Как долго я молчал? Не помню. Она все это время смотрела на меня? В ее глазах всегда была надежда? Мой взгляд, казалось, вот-вот станет мягким, вторя ее глазам. Однако она снова перевела взгляд на реку. Я последовал за ней, глядя на мягкое мерцание воды. От Цзяхуэй исходил легкий аромат мыла Люкс. Она повернулась и пошла вглубь леса.